

Иннокентий Белов

Грей Ковач

A0-2149

//CONDLOOT: 998.1
PATEUEN ~ 78

FW:[000CET][ONLINE]

Upload/rtab: -A,0--2149

SYS.2.01.10
MEMORY: 78%
CORE TEMP: 42.7°C
NEURAL SYNC: 92%

01010 011 00.0111
1010.111.0011.1111
010001.10 11.000

Грей Ковач
Иннокентий Белов
A0 - 2149

<https://litres.ru/74177064>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он очнулся в темноте, которая пахла металлом и чужой смертью. Между его последним воспоминанием и этой темнотой — сто двадцать три года, прожитые миром без него.

Их двое в одном теле, но граница между ними проходит не там, где кажется.

Всё, что уходит из одного, достаётся другому. Ни один из них этого не выбирал.

Можно ли верить единственному, от кого невозможно уйти?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Грей Ковач, Иннокентий Белов

А0 - 2149

Глава 1

Яркий белый свет бьёт прямо в глаза.

Где-то над креслом играет спокойная музыка, что-то совсем нейтральное, почти усыпляющее. Сбоку, на самом стоматологическом аппарате, мерцает маленькая красная точка, к которой Артём то и дело возвращается взглядом, сам не зная зачем.

Врач сидит рядом, натягивая зеленые, специальные перчатки.

— Так, давайте начнем, рот держите чуть пошире, — мягко, как любимому пациенту, говорит он.

Врач пока возится с обезболиванием, симпатичная медсестра регулирует еще раз свет, готовит инструменты к работе.

Артём глубоко вздыхает, выныривая из собственных мыслей про недавно посещенную кофейню с необычно вкусным кофе, куда собирается зайти еще не раз. Про постоянные тренировки по велоспорту, которые он уже откровенно не

тянет из-за работы, еще новую, очень непростую рабочую жизнь после брошенного универа. Потом послушно открывает рот еще сильнее.

Врач наклоняется к нему со шприцем.

— Ага, хорошо. Сейчас будет укол, постарайтесь не дёргаться.

Он коротко кивает, но, когда игла медленно приближается к десне, невольно напрягается и зажмуривается ещё до того, как металл касается кожи.

Звук исчезает сразу. Не становится тише, не проваливается постепенно, он просто перестаёт быть. Точно кто-то одним движением вырезает из мира успокаивающую музыку, голос врача, мягкий шум вентиляции, всё подобное вместе и сразу. Остаётся только собственное дыхание, тяжёлое и неровное, да глухой стук сердца где-то глубоко внутри головы.

Кресло вдруг резко дёргается, совсем рядом, где-то немного ниже ударяет металлический щелчок, потом раздаётся второй, еще ниже, уже у самих ног, глаза Артема распахиваются в совершенно другом месте.

Никакой стоматологии вокруг больше нет! Вообще ничего знакомого рядом!

Холодный оранжевый свет растекается по полностью металлическим стенам. Такой же металлический потолок усыпан кабелями и тёмными панелями, воздух здесь очень сухой и стерильный, а его запястья и ноги сжимают жёсткие

фиксаторы.

Артём рвётся раньше, чем успевает понять зачем, но металл лишь глубже впивается в кожу. Он тяжело вдыхает и вдруг только сейчас замечает, что всё ещё держит рот открытым.

— Какого

Голос звучит глухо и чуждо, но никто не отзывается на него, никто рядом не дышит и не шевелится. Взгляд в начинающейся панике мечется по небольшой комнате, выхватывая царапины на сером металле стен, тёмные пятна у дальней стены, старую жёлтую маркировку под потолком: «СЕРВИСНЫЙ МОДУЛЬ 4». Ниже ещё строку, в которой часть букв стёрлась до нечитаемого «СИНТ-ОПЕРАТ».

— Что за хрень?

Мозг судорожно пытается собрать картинку вокруг во что-то нормальное — розыгрыш, сон, бред!

Но всё окружающее его слишком плотное, чтобы оказаться неправдой: холод металла на запястьях, сильная сухость во рту, давящее оранжевое свечение, проступающее на веках при каждом движении ресниц.

Слева от кресла вдруг вспыхивает небольшой экран. Белые буквы дрожат, как у системы, едва вышедшей из долгого сбоя, зато на чёрном фоне проступает сухая строка: «ВВОД НЕЙРОПЛАЗМЫ АКТИВЕН».

Под надписью сразу же начинает мигать быстро меняющийся процентный показатель — девяносто четыре, девяно-

сто один, восемьдесят семь

Артём дышит все чаще, рвётся снова, но фиксаторы держат намертво прохладным металлом, каждое движение лишь сильнее вдавливают металл в запястья и причиняет серьезную боль.

На его «Эй!..» никто не отзывается, только где-то за стеной слышен ровный низкий гул да справа коротко искрит повреждённый манипулятор. Слишком тонкий, висящий под странным углом, с игольного инжектора медленно стекает прозрачная капля. Механизм сломан, но всё равно продолжает работать, не замечая собственной поломки. Поэтому капля за каплей падают на металлический пол без звука.

Показатель на экране падает дальше: пятьдесят два, тридцать четыре, восемнадцать, — пока поверх прежней строки не проступает новая: «ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ АКТИВИРОВАН».

— Нет стойте

Из подголовника с резким щелчком выдвигаются дополнительные фиксаторы и со вторым щелчком намертво зажимают голову. Теперь нельзя даже на чуть-чуть ее повернуть. Паника поднимается так быстро, что почти сводит грудь, воздух застревает в горле, сердце бьётся неровно, слишком близко к ушам.

Строка на экране сменяется: «ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ НЕЙРОИМПЛАНТАЦИИ», как видит Артем, максимально скосив на нее глаза.

— Алло черт, да что происходит?! — выдыхает в полной панике Артем. — Какая имплантация! Я не хочу! Не имеете права!

За креслом оживает механизм, сначала тихо, коротким электрическим рывком, глухим ходом сервоприводов, металлическим «ж-ж-жк» где-то совсем рядом. Потом звук становится плотнее, ближе. Артём дёргается сильнее, но кресло даже не качается от его резких движений. В его равнодушном, неподвижном сопротивлении прячется что-то страшнее самого звука, машина за спиной никуда не торопится. Она просто выполняет положенную процедуру. Звук подходит к затылку, вот теперь Артём отчётливо различает тонкий металлический визг, кажется, маленькая хирургическая пила медленно раскручивается прямо за его головой.

— Нет не-етне-еет!!!

Он рвётся всем телом, теперь фиксаторы очень болезненно впиваются в руки. Холодный наконечник плотно прижимается к затылку, несколько секунд не происходит ничего, кроме давления на него — тяжёлого, очень чужого. Ведь для металла, ровно упирающегося в череп, не существует ни кожи, ни страха, ни человека в кресле. Есть только одна заложенная программа, которую он просто выполняет.

Потом начинается неприятная вибрация. Сначала в зубах, потом в челюсти, потом по всей голове неприятным дрожащим звоном, от которого Артём на мгновение перестаёт дышать.

Сознание все ещё цепляется за невозможность того, что с ним сейчас происходит.

«Сейчас все остановится, сейчас кто-то войдёт, сейчас все окажется сном!»

Пока он не слышит хруст. Тихий, влажный, совсем близкий хруст прорезаемой кости.

Боль приходит не сразу, сначала холодное давление продавливает внутрь головы. Теперь его череп перестаёт быть частью тела, превращаясь в тонкую преграду, которую аккуратно преодолевают снаружи. А потом ударяет сама боль — резкая, ослепляющая, отчаянный крик вырывается раньше, чем он узнаёт собственный голос. Перед глазами всё плывёт, оранжевый свет растекается дрожащими пятнами, но пила идёт через череп ровно, спокойно, с механической точностью.

— Стой!.. Стой, тварь!.. А-а!..

Голос начинает отдаляться, точно кричит уже не он, а кто-то другой, запертый в соседней комнате. Шум в голове нарастает, забивает дыхание, бьётся в зубах, в глазах, в горле. Боль становится такой огромной, что сознание перестаёт удерживать её целиком. Поэтому оно рвётся, проваливается, вспыхивает обрывками света, металла и собственного крика. Пока изображение не дёргается в последний раз и сознание резко не проваливается в спасительную темноту

Где-то над ним, сквозь тяжёлую темноту, ровно мигает красный свет. Каждая вспышка сопряжена с глухим электри-

ческим щелчком, проходя через голову изнутри. Артём пытается открыть глаза, но веки налиты свинцом, голова пульсирует тупой давящей болью. Еще по шее медленно стекает что-то тёплое, он почти сразу понимает — его кровь. Сознание плавает между сном и явью, цепляясь за шум в ушах, за собственное хриплое дыхание.

Зато где-то рядом вдруг звучит голос — невнятный, искажённый, доносящийся словно сквозь толщу воды.

Артём пытается разобрать слова, но до него доходят лишь отдельные звуки, чужие и бессмысленные.

«Кто-то все же пришел сюда? Остановил мучительную процедуру?» — не понимает пока он.

Он снова заставляет себя открыть глаза, на этот раз получается приоткрыть веки чуть сильнее. Под потолком медленно мигает красный аварийный свет — вспышка, темнота, вспышка, темнота. Теперь каждое возвращение красного больно отзывается под черепом. А вместе с ним там, внутри, ощущается что-то чужое. Не просто боль, не просто рана, а странное давление, словно в голову вставили предмет, которому там раньше не было места.

Голос становится отчётливее. Тихий, хриплый, слишком близкий.

— Что Нет

Перед ним, в красном мигающем полумраке, стоит человек, развёрнутый к креслу спиной, так что какое-то время Артём видит только плечи, шею да поднятую перед лицом

руку. И что-то с этим человеком явно не так. По краям фигуры, вдоль линии плеча и по контуру руки пробегает быстрая рябь, тонкая, почти неуловимая. Еще на долю секунды сквозь незнакомца просвечивает красный свет станции. Точно на месте плотного тела не плоть, а изображение, которое не до конца держится. Артём моргает, рябь сразу пропадает, фигура снова кажется сплошной. Он уже не уверен, что вообще видел подобное расслоение странной фигуры.

Незнакомец рассматривает собственные пальцы, как что-то невиданное. Еще сами пальцы заметно дрожат.

— Я

Он замолкает на полуслове, потом медленно касается ладонью металлической стены рядом с собой и застывает.

— Холодно

Пауза растягивается так сильно, что Артём успевает услышать, как где-то в глубине других помещений вдруг глухо начинает работать вентиляция.

— Что-то не так

Незнакомец опускает руку, но так и не оборачивается. Красный свет снова скользит по его спине, по стене, по полу.

— Что-то изменилось

Артём смотрит на него и боится даже вдохнуть. Грудь сдавливают, воздух заходит коротко и неровно, но тело, ещё не очнувшееся после боли, уже понимает опасность быстрее разума.

— Нужно понять, — силуэт чуть наклоняет голову, при-

слушиваясь к самому себе, — что именно изменилось.

Красный свет снова мигает.

— И кто ты?

После этих слов незнакомец наконец поворачивается, но Артём не успевает рассмотреть его лицо. Человек резко, почти рывком, идёт к креслу, слишком быстро, поэтому внутри всё сжимается. Артём хочет что-то сказать, но дыхание застревает в груди, а незнакомец уже подходит вплотную, хватая его за одежду и дёргает вперёд резко. Их лица оказываются почти рядом.

— Как

Он снова осекается и упирается Артёму прямо в глаза, не моргая.

— Ты здесь

— Я я

Ответ не успевает сложиться, ведь в следующую секунду незнакомец сдёргивает его с кресла. Артём рушится на металлический пол, ударившись боком так, что из груди выбивает воздух. Он пытается вдохнуть, но сверху уже наваливается чужой вес, пальцы смыкаются на горле, и воздух исчезает. Не постепенно, а сразу, точно кто-то перекрыл внутри него единственный проход.

Артём задавленно хрипит, вцепляется в чужую руку, пытаясь оторвать её от шеи, но пальцы держат слишком крепко, перед глазами начинает густеть темнота. Тогда он бьёт почти наугад, кулак врезается незнакомцу в лицо, тот отшатывается.

ся лишь на мгновение, но снова лезет сверху. И только резкий удар ему куда-то в живот хорошо тренированной ногой, выбитый полным отчаянием, позволяет Артёму сбросить его с себя.

Они отпрядывают друг от друга и замирают на полу, тяжело хватая воздух. Несколько секунд никто не двигается. Руки Артёма дрожат, он поднимает ладонь перед собой, скорее просто защищаясь, чем осознанно, но в тот же миг незнакомец делает то же самое.

Артём застывает. Незнакомец тоже.

Медленно, не веря собственным глазам, Артём отводит руку в сторону, человек напротив с серьезным лицом повторяет движение точно так же, с той же амплитудой, как отражение в испорченном зеркале. По спине проходит холод. Он осторожно поднимает ладонь выше, незнакомец повторяет жест один в один. Теперь они оба не двигаются, пока красный свет вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет, раз за разом собирая перед Артёмом чужое лицо, чужие руки, чужую позу. Но каждый раз это чужое слишком точно отвечает его собственному телу.

— Невозможно — тихо произносит незнакомец.

Артём смотрит на него, не понимая, что происходит, только вдруг силуэт незнакомца дёргается, очень резко, с сухим треском помех. На мгновение человек исчезает, потом появляется снова, изображение срывается с места и не успевает вернуться полностью.

Ещё рывок, сухое «кх-кх», потом «кх-кх-кх» и в следующую секунду напротив Артёма уже совсем никого нет.

Глава 2

Он несколько секунд все еще сидит на холодном полу и смотрит в пустоту неподвижным взглядом.

Воздух тяжело входит в лёгкие, царапает помятое горло изнутри, сердце колотится слишком высоко, стучит почти под самой челюстью. Тело упрямо доказывает, что всё случившееся с ним было самым настоящим, а разум всё ещё цепляется за последнюю нормальную мысль — этого не может быть.

Кресло стоит посреди помещения, массивное, чёрное, с тёмными влажными разводами на подлокотниках. Над ним медленно покачиваются хирургические манипуляторы, слишком длинные и тонкие для обычных инструментов, в красном свете похожие на лапы металлического насекомого, застывшего над правильно зафиксированной добычей.

На одном сегменте ещё держится кровь. Тёмная капля медленно ползёт по холодному металлу вниз, Артём внимательно смотрит на неё дольше, чем следует, прежде чем поднять руку к затылку.

Боль бьёт мгновенно, прямо изнутри головы. Он стискивает зубы и всё же плотно проводит пальцами по волосам: кожа на затылке опухла и горит, а под пальцами — ощущается неровная линия разреза. Голову действительно вскрывали, а потом кое-как закрыли обратно. Никаких следов от

наложенных швов не ощущается под пальцами, похоже, как будто ее просто заклеили.

«Что они сделали? А тот человек исчез прямо у него на глазах...» — не понимает он.

Артём медленно поднимается, изо всех сил держась за край кресла. Мир заметно качается, мигающий аварийный свет размазывается по стенам, потом снова собирается в картинку. Металлические стены, тени в углах, контейнеры вдоль дальней стены, разбросанные по полу папки и инструменты.

«Отсюда уходили в большой спешке. Или бросили всё на время и потом просто не вернулись», — думает он.

Где-то дальше протяжно скрипит железо — тяжело, медленно, словно огромный корпус проседает под собственным весом. Артём ловит себя на том, что всё ещё смотрит туда, где только что сидел незнакомец.

Галлюцинация была бы удобным объяснением, если бы не кресло, не кровь, не боль в затылке и не болезненные следы на шее. Он медленно проводит ладонью по горлу. И тут же замирает, заметив движение напротив себя.

У стены напротив стоит высокий металлический шкаф с глухой дверцей. Стекла нет, но мутный металл всё равно отдаёт размытое отражение, тёмное, искажённое, как в нечистой воде. Артём подходит ближе. Сначала он просто не узнаёт себя: бледное пятно лица, провалы глазниц, слипшиеся волосы. Потом картинка собирается чётче, и становит-

ся хуже. Губа рассечена, в углу рта тёмная корка тянется к подбородку, а на шее, по обе стороны от горла, проступают пятна. Совсем не какие-то тени, а тёмные подтёки с ясными очертаниями пальцев там, где чужая рука сжимала его за горло. Артём задумывается, потом поднимает ладонь и прикладывает к шее.

Пальцы ложатся точно в отпечатки.

По спине проходит медленный холод. Это не кино, не сон, не сбой в голове. Кто-то действительно держал его за горло несколько минут назад так крепко, что кожа запомнила форму руки. Но этого кого-то больше нет в комнате.

Он резко отводит взгляд и подходит к контейнерам у стены.

Под ногами хрустит тонкий пластик, валяющийся везде. На большинстве папок абсолютно незнакомые символы, угловатые, похожие на технические маркировки, вперемешку с таблицами и схемами. Артём перелистывает одну из них почти машинально, пока не наткнется на русский текст.

«РЕЗУЛЬТАТЫ ИМПЛАНТАЦИИ», а ниже, местами залитое серыми пятнами: «ЗАМЕНА ВЫХОДЯЩИХ ИЗ СТРОЯ ЧИПОВ А0 ПРОИЗВОДИТСЯ В ШТАТНОМ ПОРЯДКЕ», и ещё ниже: «НЕЙРОЧИПЫ СЕРИИ А1 УСПЕШНО ИНТЕГРИРОВАНЫ».

Он переворачивает лист — схемы мозга, проценты, графики, снова А0, снова А1, но данные буквы ничего ему не говорят. Зато голова болит слишком сильно чтобы постоян-

но держать ее в напряжении. Поэтому он закрывает папку и кладет ее на перевернутый контейнер.

Чуть дальше у стены тихо гудит низкий металлический шкаф: по верхнему краю видна бледная полоса подсветки, на дверце мигает индикатор, от корпуса явно тянет холодом.

Артём наклоняется и поддевает дверцу за край, она открывается с лёгким шипением, выпустив облачко холодного пара в атмосферу комнаты. Внутри, в прозрачных ячейках с гелем, лежат импланты, маленькие тёмные чипы, оптические узлы, похожие на стеклянные глаза, свёрнутые жгуты нейроволокон в запаянных пакетах. У каждой ячейки своя маркировка: A0, A1. Всё аккуратно разложено по разным полкам и аккуратно подписано.

— Нужно найти кого-то... — вслух говорит он себе, чтобы услышать свой голос и хоть что-то сказать.

Хотя говорить все еще больно, отдает в голову и садит горло. Артем оглядывает последний раз комнату с креслом и поворачивается к ней спиной. Возле двери тускло мерцает небольшой экран, по его поверхности ползут помехи.

Артём несколько раз нажимает на пластик, но в ответ получает только короткие вспышки компьютерного шума.

Он раздражённо выдыхает, заранее переживает неизбежную боль от будущего напряжения, но крепко хватается за край створки и дёргает её на себя. Внутри нее тяжело щёлкает, сначала зацепившись за какое-то препятствие, дверь все же медленно ползёт в сторону со скрежетом старого метал-

ла. Из темного коридора за ней сразу тянет холодом, пылью и застоявшимся воздухом.

Артём пока замирает на пороге. Коридор уходит далеко вперёд, теряясь в красновато-оранжевом полумраке. Свет здесь странный, не ровный и не мигающий, а расслоённый, висящий в воздухе несколькими тусклыми полосами. Под потолком тянутся кабели, часть панелей снята, кое-где совсем низко свисают провода. Некоторые экраны перед другими дверями ещё работают, хотя изображение давно превратилось в кашу из помех.

В глубине снова скрипит металл, низко и тяжело, Артёму вдруг думается, что вся железная конструкция вокруг него похожа на огромное умирающее животное. Он гонит подобную мысль подальше от себя.

— Бред какой-то

Дверь за спиной остаётся приоткрытой, красный свет падает в коридор длинным прямоугольником. Именно подобная картина почему-то выглядит последней нормальной вещью вокруг.

Потом Артём идёт вперёд. Под ногами тихо поскрипывает пол, где-то сверху капает вода, иногда в глубине что-то щелкает. Но людей нигде нет: ни голосов, ни шагов, ни шороха. Он проходит мимо открытых отсеков, старых терминалов, распахнутых дверей, за которыми темнеют комнаты с перевёрнутыми пластиковыми стульями и погасшими экранами. И всё чаще оглядывается назад, сам не понимая зачем. Толь-

ко тишина давит сильнее любого шума, пустота становится плотной, почти осязаемой. Кажется, время здесь не просто остановилось, а застряло в том самом моменте, из которого все давно ушли.

«Телефон?» — вспоминает он.

Он машинально осматривает карманы одежды, но тут же вспоминает, что оставил его лежать перед рентгеном в соседнем кабинете стоматологии и забыл забрать.

Сама мысль кажется почти спасительной, нормальной, из той прежней жизни, где есть стоматология, снимки, анестезия и вежливый врач в зеленых перчатках.

Может всё подобное с ним случилось из-за укола? Может он в коме, а вокруг только сбитая работа мозга? Версия просто расплзается, едва он за неё хватается, и он бросает её на полпути. Голова продолжает ныть, иногда под затылком коротко простреливает, тогда приходится замедлять шаг. Память о пиле в затылке и чужой руке на горле сидит слишком глубоко, почти физически.

Справа в стене он замечает дверь, приоткрытую, обычную, не техническую. На ней, выведенные от руки и наполовину стёртые временем, держатся какие-то строчки, написанные крупным шрифтом разными по цвету фламастерами. Артём задерживается, медленно разбирая буквы в мигающем свете.

«ПРАВИЛА КОМНАТЫ ОТДЫХА», а ниже — пункты, написанные разными почерками, в разное время, поверх вы-

цветшей краски.

«1. Работу за дверью не обсуждать».

«2. Заходить только с хорошим настроением (плохое оставляй в коридоре)».

«3. Спорить — можно. В споре рождается истина. Но без ругательств и оскорблений».

А ещё ниже, другой рукой, совсем наискось: «4. Пиво — обязательно. Илья» — и рядом кривой смайлик, выцарапанный в краске.

Что-то в этих строчках есть настолько живое, настолько из нормального, тёплого человеческого мира, что у Артёма на секунду перехватывает дыхание.

Он толкает легкую дверь и входит внутрь комнаты отдыха.

Внутри тот же красноватый полумрак, но обстановка почти домашняя: продавленный диван, пара стульев, низкий стол с кольцами от бокалов. На столе шахматы с незаконченной партией, рядом веером рассыпаны замусоленные карты. Кто-то так и не доиграл. Кто-то встал из-за этого стола однажды и больше не вернулся.

На стене висят фотографии, много фотографий.

Артём подходит ближе. Снимки старые, на тонкой плёнке, на них улыбаются люди. Рабочие смены, обнявшись, с банками пива в руках, на фоне этих самых стен. Нормальные лица. Усталые, человеческие, живые. Он скользит взглядом дальше и вдруг замедляется.

Не все на фотографиях нормальные.

Среди обычных людей стоят другие. На первый взгляд такие же, те же позы, те же улыбки, те же руки на плечах соседей, но у этих глаза белые. Сплошные, без зрачков, как два матовых стекла. Артём всматривается, подносит лицо ближе. На одном снимке, под определённым углом, у такого белоглазого там, где скула переходит в висок, кожа идёт уже не кожей. Там тонкая металлическая прорезь, аккуратный шов, линия, какой у живого лица быть не может. Они стоят в обнимку с людьми, смеются вместе с людьми, держат те же банки с пивом и при этом чем-то другие.

Артём не понимает, что вокруг него за место. Почему одни на снимках обычные, а другие — почти обычные.

На последних снимках уже всего пара людей и шесть-восемь не-людей рядом с ними.

«Эти с белыми глазами... Они словно постепенно замещали здесь нормальных.» — Артем не понимает, как к подобному знанию нужно относиться, но такое ему почему-то не нравится.

В углу комнаты тихо гудит что-то вроде холодильника. Артём, сам не зная зачем, тянет дверцу. И тут же отшатывается.

Запах бьёт мгновенно — густой, гнилостный, сладко-тошнотворный, такой плотный, что его словно можно потрогать. Артём захлопывает дверцу, отворачивается, кашляет в ладонь. Это давно не холодильник. Что бы тут ни выключилось, оно выключилось много месяцев назад. То, что лежит

внутри, прошло весь свой долгий путь до конца.

И всё-таки он открывает снова. Задерживает дыхание, прищуривается. На полке — мутный контейнер, на боку выцветшая подпись от руки: чьё-то имя или дата, чья-то заготовка к ужину, которого так и не случилось. Индейка, кажется, замаринованная когда-то с расчётом на нормальный человеческий вечер, а теперь — чёрная осевшая масса под слоем плесени. Артём пытается разобрать надпись, но чернила расплылись, отдельные буквы умерли вместе со всем остальным текстом.

Он тихо закрывает дверцу.

Стоит ещё секунду посреди комнаты отдыха: с недоигранной шахматной партией, с картами, с фотографиями смеющихся людей и не-людей, с протухшим чужим ужином, потом выходит обратно в коридор. От домашности такого места делается хуже, чем от пустоты за спиной.

Впереди коридор уходит вниз, света почти нет, только редкие полосы аварийных ламп да оранжевое свечение неисправного экрана. Именно там он замечает следы на полу: тёмные, неровные, они тянутся дальше и теряются в полумраке. Сначала Артём думает, что здесь пролили масло или это обычная ржавчина, но, чем ближе подходит, тем становится яснее.

Пятна слишком густые, слишком тёмные, а в воздухе появляется новый запах — тяжёлый, сладковатый, гнилой, настоящий запах разложения.

Впереди, в оранжевой дымке, на полу лежит что-то бесформенное, издали похожее на кучу тряпья. Но чем дальше Артём смотрит, тем яснее, что когда-то куча тряпья была человеком. Он останавливается не от страха, тело тормозит раньше головы. Артём заставляет себя сделать ещё несколько шагов, запах бьёт сильнее, желудок болезненно сжимается.

Но он уже видит детали: оранжевый комбинезон, чёрный ботинок, руку, вывернутую под неестественным углом. Тело лежит у стены, почти вжавшись в металл, точно человек до последнего пытался отползти в угол. Точнее, лежит то, что от него осталось.

Прошло уже много времени. Лицо превратилось в тёмную расплзшуюся массу, кожа местами почернела и стянулась. На груди и животе глубокие рваные пробоины, оставленные не лезвием, а чем-то тяжёлым, что снова и снова вгоняли в тело с чудовищной силой. Стена рядом испачкана засохшими брызгами. Артём замирает на несколько секунд, мир сужается до запаха, металла и мёртвого тела.

«Он никогда раньше не видел смерть так близко».

Не киношную, не фотографию в новостях, а настоящую, тяжёлую, в нескольких шагах от себя. Давно уже случившуюся и оставившую после себя последствия в виде запаха и разложения. Голова становится пустой, оставляя только тупое животное ощущение неправильности.

Он резко отворачивается, сгибается пополам, его рвёт

прямо на металлический пол. Кислый вкус бьёт в горло, глаза обильно слезятся. Несколько секунд Артём просто стоит, тяжело дыша и упираясь ладонью в холодную стену, пока запах липнет к носу, к горлу, к лёгким. Потом вытирает рот тыльной стороной ладони и заставляет себя снова посмотреть туда.

Теперь, когда тошнота немного отпускает, он замечает у стены ещё один силуэт. Сначала кажется, что там просто груда металла или ещё один труп. Неподвижная, странно изломанная форма, почти тонущая в тусклом свете. Но, подойдя ближе, Артём понимает, что перед ним сидит красивая девушка.

«Точнее, что-то подобное, что когда-то сделали слишком похожим на такую девушку».

Она сидит, привалившись к стене и склонив голову набок. Светлые, почти пепельные волосы падают на слишком правильное лицо спутанными прядями. Левая рука отсутствует почти по плечо, из развороченного крепления торчат оборванные кабели и смятые фиксаторы, правая лежит вдоль пола, вся в засохшей крови. Мёртвые белые глаза смотрят куда-то мимо Артёма, но иногда в их глубине пробегают слабая дрожь света. Короткая вспышка помех под мутным стеклом, после чего всё снова замирает. На щеке застыла тёмная жидкость, похожая на кровь. Часть искусственной кожи возле виска содрана, под ней виден тонкий металлический каркас. Артём опускается напротив неё на корточки и только

теперь замечает маленькую маркировку под ухом.

А0.

Внутри неприятно колет. Такие символы уже мелькали в документах, но там оставались просто буквами, а здесь, рядом с мёртвым телом техника и сидящим у стены искусственным телом, становятся чем-то совсем другим. Возле маркировки ещё одно повреждение, кожа и металл вокруг разёма расцарапаны почти до основания. Из полностью разломанного порта торчат оборванные контакты, а между пальцами правой руки, перепачканными тёмной жидкостью, зажат маленький чип.

«Она в какой-то момент просто выдрала его из собственной головы своими же руками», — наглядно видит он.

Артём смотрит на девушку, внутри поднимается странное ощущение. Не страх даже, а медленное понимание, что перед ним не просто смерть и не просто поломка, а след отчаянного действия, доведённого до конца.

Рядом, прямо над телом техника, тянутся неровные надписи, одно и то же слово, выведенное снова и снова, в разных местах, с разной силой нажима. Точно его писали не для кого-то, именно для того, чтобы вбить в металл для самих себя.

ЧУВСТВУЙ.

Ниже, почти у пола: ЧУВСТВУЙ.

Ещё ниже, размазано, с рваными краями букв: ЧУВСТВУЙ.

Артём долго смотрит на одинаковые слова. Пугают его не

сами буквы, а то огромное отчаяние, с которым они написаны.

За спиной тихо щёлкает металл, он задерживает дыхание.

— Красота, правда?

Голос звучит совсем рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.